

Ни капли не изменившееся за время комы тело ребёнка всё так же лежало в своей кровати и получало питание с помощью капельниц. Любой другой на его месте уже давно бы начал терять в весе, но не Демиан, он выглядел точно так же, как и в день трагично завершившейся церемонии.

С момента потери сознания прошло шесть месяцев, шесть дней и ровно шесть часов, у мира и происходящего внутри тела действия явно имелось мистическое и крайне чёрное чувство юмора. Именно поэтому лишь в это мгновение и ни минутой позже тело мальчика открыло глаза и сразу издало радостный крик, своим охрипшим голосом.

-Я жив! — Прокричал, закашлившийся под конец ребёнок, и то новое что родилось стараниями трёх личностей, обитавших ранее внутри данного тела.

Сразу же после этого крика он попытался понять, кто этот «Я». В голову сразу хлынули воспоминания из разных жизней и с неким страхом и интересом тот стал разбираться в себе.

В его голове смешалось множество моментов и видений. Самые многочисленные принадлежали старому магу Чарльзу Зейну, они были полны боли, злости, страданий, тьмы, смерти и что удивительно надежды. Он всю свою жизнь стоически переносил невзгоды судьбы и даже в самом конце, понимая что его мир уже не спасти, он всё равно боролся и нашёл спасение для своей души. Он смог принять своё поражение и укрепив с помощью этого свою волю и честно говоря ещё сильнее ослабив оковы морали, хлопнул перед уходом дверью.

Одновременно с его перелётом в иной мир, на его родной земле в клетку к первому убийце был перенесён первый клинок, вместе с двумя другими обнаруженными им перьями Люцифера, покрытыми первозданными силами тьмы. Чарльз не знал, насколько сильно это расшатает оковы метки, но связь между Каином и хранящейся внутри сущностью должна была усилиться на несколько порядков. Это был его прощальное любовное послание Михаилу и его армии, которые слишком свободно стали себя чувствовать после ухода мага с передовой жалких остатков поля боя.

Вторым по значимости были воспоминания Алексея Макарова, студента последнего курса и того, кто имел самые странные знания об этом мире и его дальнейшей судьбе. Он подарил новой сущности в этом теле информацию о сотнях разнообразных миров, все из которых так же, как и этот могли оказаться реальностью.

Его жизнь не была слишком долгой, но из-за времени на которое выпала его молодость, она была заполнена счастьем, весельем, спокойствием, малой долей конфликтов и дружелюбием. Его сущность выглядела намного приятнее не слишком доброго мага и что немаловажно, имела множество ограничений и запретов внутри, даже тех про которые сам Зейн никогда и не слышал. Но к сожалению или счастью, большая часть из них была крайне слабой и спокойно смылась опытом и более крепкой волей первой личности.

Последним же по наполнению, но не по силе шёл юный семилетний мальчик Дэмиан Тейт, выросший с в меру строгим отцом и в последний момент использовавший остатки своей ангельской силы, чтобы вмешаться в ритуал и навязать свои цели и жизненный путь двум другим владельцам своего сосуда.

Используя всё что напоминало о его ангельском прошлом, он сумел возвысить свои воспоминания и чувства на уровень мага и серьёзно повлиять на характер обоих мужчин. Фрагменты его жизни были полны счастья, уверенности, детской чистоты и лёгкого страха, под самый конец жизни данного юноши.

Собрав всё это вместе, новая сущность попыталась осознать себя и понять, кто же оказался у руля нового тела.

Задумавшись и просидев в данном положении несколько минут, пока Тревес Тейт нёсся непозволительным для аристократа слишком быстрым шагом к комнате ребёнка из другой части дома, она пришла к выводу, что как минимум на половину «Он» всё ещё Чарльз Зейн, опытный маг, без своего тела и прошлой магической мощи, запертый в сосуде беспомощного юного хранителя знаний, родившегося из остатков ангельской братии, и до сих пор всем сердцем желает остановить апокалипсис. На тридцать процентов он Александр Макаров, студент любящий читать и наблюдать за историями других миров, включая этот, что определённо принесёт его новому «Я» неоценимую помощь и самое поразительное на целых двадцать процентов изначальный владлец тела, Демиан Тейт, сумевший выбить себе право на жизнь и всей своей сутью желающий стать достойным хранителем знаний и тем кто возвысит род Тейтов.

Разобравшись с этим, новое сознание заглянуло внутрь себя и ощутило просто ужасающую мощь новообразованной, неведомой для этого мира души.

То что находилось внутри тела семилетнего мальчика могло в один миг возвысить его до пика любого вида монстров, лишь позволив тот распространится по телу загрязняющемуся яду дальнего отпрыска Евы. С такой внутренней мощью он стал бы первым обращённым, достигшим уровня альфы собственного вида и возможно даже шагнувшего на одну ступень выше, встав между матерью всех монстров и её первыми детьми.

Попади же он в Ад и его душа напитавшись первобытной тьмой, разлитой по этому измерению, смогла бы в момент преображения достигнуть уровня рыцарей ада, встав лишь в шаге от звания Князя данного места.

Путь же к силе небес ему был закрыт, ведь к сожалению ангелы не умели обращать людей в себе подобных, но будь иначе и в мире появился бы Нефилим способный потягаться со всей четвёркой Архангелов.

Но не одна из этих судеб не прельщала бывшего мага, хоть тот скорее всего и согласился бы на становление Нефилимом, из-за огромной мощи ставшей бы серьёзным подспорьем в его дальнейших планах.

Сейчас все силы этой огромной души томились внутри и понемногу работали на подпитку сосуда, улучшая тело Дэмиана и доводя то до идеала.

Ощувив непривычную наполненность не особо развитой у него в прошлом энергией, юный Тейт на вбитых в подкорку рефлексах обратился к своей магии, ощутив слабый отклик и вызвав тем самым всплеск духовной силы вокруг кровати, уничтожая большую часть амулетов, и разрывая на части её верхушку с балдахином.

Именно в это мгновение внутрь комнаты сына ворвался взволнованный отец.

-Angustos incipias. — Быстро прокричал мужчина, заставляя браслеты на руках сына засветится вязью кельтских рун и вобрать в себя всю исторгаемую тем духовную силу.

Потеряв подпитку, энергетическая буря внутри спальни резко сошла на нет, а взволнованный отец мигом оказался около поломанной кровати родного ребёнка.

-Дэмиан, как ты? — Спросил напуганный происходящим и одновременно испытывающий

надежду на полноценное пробуждение ребёнка Тревес Тейт.

-Нормально, папа. — Произнёс, честно говоря смущённый таким отношением взрослый, внутри тела мелкого пацана. Да и само тело непривычно радостно отзывалось чувством защищённости и тепла, при объятиях Тревеса, что вновь пробуждали забытые воспоминания обоих старших доноров личности.

Чарльз испытывал такие чувства лишь в самом начале своего пути, когда рос в ковене Зейнов. Алексей же сразу вспоминал полноценную семью с родителями и ударял по сознанию болью от их потери, но та быстро гасилась уже пережившим подобное Зейном, которым имея приличный список потерь попросту умел откладывать или в редких случаях гасить такие моменты, чтобы не терять попусту время на жалость к себе и своей судьбе, тратя то на разработку нового ритуала или иные более полезные дела.

-Брайан сообщи Хранителям о пробуждении Дэмиана. — Отдал приказ появившемуся в проходе дворецкому, развернувшийся на секунду мужчина, быстро вернув своё внимательный взгляд к телу сына, начав проверять то на раны и с волнением заметив вырванную из вены иглу, вместе со струйкой крови, оставившей алый след на простынях и теле сына.

-Surge sursus! — Произнёс приложивший ладонь к ране мужчина, после чего оказавшись под белым подобным ангельской силе светом, от рваной раны не осталось и следа.

-Это же... — Удивлённо взирая на не слишком знакомую ему практику, произнёс удивлённый мальчик.

-Сила души. — Нежно улыбнувшись ребёнку, закончил за него Тревис. -На такое способны лишь старшие Хранители знаний и их приближённые, выбранные из самых одарённых учеников Кендрикса.

-Понятно. А сколько я пролежал так? — Заметив открытое окно и ощутив тёплый воздух, вместе с влажностью привычной для данной местности дождливой погоды, задался вопросом Дэмиан.

Он чётко помнил, что пробуждение его душ происходило зимой в январе, но сейчас явно была весна или лето, хоть ливень за окном и пытался убедить его в обратном. Путаясь во временах года между тремя странами откуда пришла его память, Дэмиан стал ожидать ответ на свой вопрос.

-Сейчас двадцатое Июля, Дэмиан. — С сожалением произнёс мужчина. -Ты пролежал в коме сто восемьдесят шесть дней.